

К ЭТИМОЛОГИИ СЛАВ. *otrokъ*

Слово *otrok* существует сегодня в полной силе как живое, не архаическое или историческое слово только в чешском и словацком языках (*otrok, -a*) в значении 'раб' (в древнечешском реже в значении 'слуга, батрак', один раз даже 'наемник'¹) и в словенском языке (*otròk, -òka*, у Плетершника *otròk, -òka*) в значении 'ребенок' (часто — внебрачный), ср. у Плетершника также значения 'Nebenschößling' и 'Seitenhalm', т. е. 'побочный росток (побег), побочный стебель'. Обиходно это слово и в кашубском говоре (*woetrok*) в значении 'мальчик' и также 'сын'². В остальных славянских языках *otrok* — слово архаическое или поэтическое. В восточнославянских языках *òtrók* (блр. *òтрак*) обозначает мальчика 7—14 лет, исторически — члена княжеской дружины. В болгарском языке *òtrók* в поэтическом стиле значит 'младенец', архаически же — 'крепостной крестьянин, холоп'; то же значение имел *otrok* в древнесербохорватском языке, теперь слово *otròk* знают только некоторые чакавские или кайкавские говоры³ (в значении 'ребенок' — так же, как в соседнем словенском языке). Серболужицкие языки знают только уменьшительные существительные: в.-луж. *wotročk* и н.-луж. *wotročk* в значении 'батрак'. Не засвидетельствован *otrok* лишь в македонском языке как относительно молодом.

В старославянском языке засвидетельствован *òtrókъ* в значении 'мальчик' (также очень маленький, собственно, 'младенец'), а также 'слуга'. В древнерусском и древнепольском языках значение 'ребенок', правда, отсутствует⁴, но есть все-таки значение 'мальчик' (архаически до сих пор) и также значения 'слуга; член княжеской дружины' и 'работник'. Значение 'работник' также есть в древнепольском, кроме значения 'мальчик' и других

¹ Все это по данным из материалов древнечешского словаря, которые мне любезно сообщил коллега И. Немец.

² Ср. морав. *synek*, наоборот, также 'мальчик', *cerka* 'девочка'.

³ В равногорском наречии, считающемся иногда уже словенским, оно звучит, между прочим, *atràk* (N. M a j n a r i ć. — ЈФ 17, стр. 136).

⁴ Хотя Л. П. Якубинский и приводит его для древнерусского языка («История древнерусского языка», стр. 57).

значений⁵. Неясно, сохранились ли до сих пор в польских говорах приводимые Карловичем архаические формы или же они исчезли (за исключением, очевидно, кашубского) полностью. Судя по Махеку⁶, *отрок* живет, быть может, в польских говорах как бранное слово, так же, как и в восточночешских говорах, где *votrok* как ругательство происходит все же из значения 'парень, молодец'. Из полабского языка Рост приводит *vúotrok / vuotrüök* в значении 'сын', уменьшительное *vuotrüöcak* 'сынок'. Новочешское значение 'раб' известно уже в древнечешском языке (также 'чернорабочий, поденщик').

Слово *отрокъ* этимологически толкуется как 'не-говорящий, лишенный дара речи' (ср. еще Миклошич — 'puer qui dari nequit') или же, вернее, как пишет Трубачев⁷, 'тот, кому отказано в праве говорить', т. е. в мире, в собрании. Это другое предположение высказал — после беглого замечания О. Гуйера⁸ — В. Махек в журнале «*Naše řeč*» 35, 1951, стр. 136—137. Словарь Фасмера содержит обе возможности толкования, хотя при второй из них приведено не изложение Махека, а только намек Гуйера. Точка зрения Махека исходит из обычного значения приставки *от-*, обозначающей лишение, разлуку, выделение, короче говоря — привативной. Исходя из этого первоначального значения мы без труда объясним переход от 'лишенный права речи = несвободный, неполноправный человек' к значению 'крепостной (→ раб)' и вообще 'рабочий' или 'слуга, член дружины' и, с другой стороны, мы можем из значения 'лишенный права речи' = 'исключенный из «рока» = веча, мира' делать вывод о значении 'незрелый, невзрослый', т. е. 'мальчик'. Правда, этот второй путь кажется не таким обычным, и при этом остается еще значение 'ребенок, младенец, дитя', которое нужно объяснять исходя из значения 'мальчик'. Здесь надо отметить, что отрицательное значение приставки *от-*, которого стремится избежать толкование Гуйера и Махека, все-таки не так исключительно и не ограничено одним нашим словом. Фасмер приводит для приставки *от-* отрицательное значение в слове *отчаяние* (букв. 'не-ожидание'), а академический сербохорватский словарь приводит при слове *otrok* архаичное *odljud*, соответствующее немецкому *Unmensch*, т. е. 'не-людим' (чеш. *ne-lida*). Во всяком случае, мы имеем во втором компоненте сложного *от-рокъ* комплексное значение: с одной стороны, так называемое *nomen actionis*, с другой — *nomen agentis* (например, в кальке *про-рокъ* и, вероятно, также в нашем *от-рѣкъ* со старым его ударением) или *nomen acti* (например, в русск. *рок* 'изреченное, постановленное → судьба');

⁵ Мошинский приводит, между прочим, также значение 'Laiicus' (JP 35, стр. 133); Карлович знает архаическое диалектное значение 'отставной'.

⁶ «*Naše řeč*» 35, стр. 135.

⁷ «История славянских терминов родства». М., 1959, стр. 47.

⁸ «*Listy filologické*» XL, стр. 304, прим. 2.

с помен actionis связано также значение места действия: например, иногда в древнечешском *rok* = 'сейм, собрание, заседание' и т. п.

Против этой этимологии слова *otrokъ* выступил К. Мошинский в журнале «*Jezyk polski*» (вып. 32, 1952, стр. 200—201) и после возражений Фр. Славского еще второй раз там же (вып. 35, 1955, стр. 130—133), выдвигая новую этимологию, которую в итоге (JP 35, стр. 133) он даже считает «решительно доказанной». Мошинский разлагает *otrokъ* на *o-trokъ*, толкуя первоначальное значение как 'вокруг бегающий', т. е. 'прислуживающий = слуга (→ рабочий, раб)'. Второй компонент слова, по Мошинскому, следовательно, не *rokъ*, а *trokъ*, которое он толкует как помен *agentis* к незасвидетельствованному глагольному корню **trek-* — редуцированную основу его он видит в славянских глаголах типа *trkati / trčati* 'бегать'. В качестве семантических параллелей Мошинский приводит образованные аналогичным путем названия слуги: греч. ἀμφίπολος 'слуга, божий слуга, священник'⁹, др.-инд. *abhi-carah* 'компаньон, слуга' = лат. *anculus* 'слуга, батрак'¹⁰. Против традиционного толкования слова *otrok* Мошинский выдвигает три возражения (порядок которых мы только немного изменяем).

Во-первых, графику слова *otrokъ*, которое мы никогда не встречаем в форме *otъrokъ*, т. е. с ером после *ot-*. Сам Мошинский признает за этим возражением минимальный вес, так как даже этимологически ясные слова пишутся иногда последовательно без ера, например ст.-слав. **ошьствик** 'отход', не говоря уже о слове, наверняка рано деэтимологизированном, как наше *otrokъ*.

Во-вторых, против традиционного толкования Мошинский оперирует местом русского ударения. Если бы *otrokъ*, пишет он, было действительно помен *agentis*, связанным с *rokъ*, то мы ожидали бы ударение *otrókъ*, как в *прорókъ*, *нарókъ* и других сложных словах этой основы. В этом отношении все в порядке. Ударение *otrókъ*, действительно, существовало, по Кипарскому¹¹, вплоть до

⁹ Греч. ἀμφίπολος толкуется в журнале «*Wörter und Sachen*» 18, стр. 1 сл. (особенно стр. 65) В. Паксом, который исходит из сравнения с др.-инд. *abhi-carati* 'колдует'; следовательно, первоначальное 'herumwandelnder Priester', т. е. 'слуга божий', снизилось до понятия 'слуга вообще'. Правильнее объясняют значение 'священник = слуга божий' этимологические словари Фриска и Бузака: из значения 'слуга вообще'.

¹⁰ Этимологию Мошинского переняли без всякой критики Св. Штех в журнале «*Arkiv för nordisk filologi*» 78/1—4, стр. 232—240, обогащающий само понятие 'оббегающий → слуга' полезными семантическими параллелями (главным образом сравнением с греч. τρέχων 'Läufer', род птицы, и с герм. *thrahila/thrahilo* 'Diener'), — и затем Ш. Ондруш, пытающийся фантастически объяснить даже славянские *sluga* и *cholpъ таким же образом как 'бегающий' («*Sborník filozofickej fakulty univerzity Komenského*» X, *Philologica*, стр. 80—89).

¹¹ V. Kiparsky. Der Wortakzent der russischen Schriftsprache. Heidelberg, 1962, стр. 163.

XVIII в. Согласно Рудницкому, старое ударение сохранилось частично в украинском языке, по крайней мере до недавнего времени. Первоначальное ударение сохранили также южнославянские языки или обнаруживают его следы (в сербохорватском *отрок*). Значит, и это возражение бессодержательно (скорее говорит даже в пользу традиционной этимологии). Отметим еще, что подобное отклонение в месте ударения мы видим в сходным образом деэтимологизированном *отруби* или архаичном *отруб* 'участок, выделенный из общины' при *отруб* 'поперечное сечение дерева или бревна'.

В-третьих, Мошинский утверждает, что приставка *от-* не имеет отрицательного значения и что ей присуще только значение привативное. К этому надо заметить, что даже при традиционном толковании слова *отрокъ* не обязательно исходить из отрицательного значения приставки *от-*, можно остаться при ее обычном значении разлуки и выделения, как уже сказано при изложении точки зрения Махека выше. Хотя, очевидно, лучше было бы, по Якубинскому (прим. 4) и Трубачеву (прим. 7), видеть также при этом толковании отрицательное понятие (*отрокъ* все-таки как 'не-говорящий'). Отрицательное значение приставки *от-* (возникшее, конечно, из привативного и близкое к нему) отнюдь не исключено. Как мы уже видели, оно не ограничено лишь нашим словом *отрок*, а засвидетельствовано также другими словами: с.-хорв. *odljud*, русск. *отчаяние*.

В пользу своей этимологии Мошинский приводит, кроме семантических параллелей типа греч. ἀμφίπολος, еще тот общеизвестный факт (неясно при этом, почему он ограничивает его «древними индоевропейскими племенами»), что молодые члены семьи исполняли должность гонцов и посыльных. Польское *Pcbiegnij no i zanieś* 'сбегай и принеси' можно считать всеобщим явлением и его можно было бы перевести на все или почти на все языки мира, не только индоевропейские. Из такого положения вещей вытекает, правда, скорее значение 'бегающий / посыльный', 'чем бегающий вокруг' (следовательно, τρόχις, а не ἀμφίπολος), но во всяком случае устанавливается связь между понятиями 'слуга' и 'мальчик', семантическое отношение которых Мошинский, в сущности, больше не исследует. Но об этом ниже.

Против этимологии Мошинского говорят (после опровержения его возражений против традиционного толкования слова *отрокъ*) два очень важных обстоятельства.

Во-первых, веские семантические аргументы: при этимологии слова *отрокъ* надо исходить, как уже правильно заметил Фр. Славский¹², из первоначального значения 'ребенок, мальчик', а не 'слуга'. Напрасно Мошинский пытается ослабить вескость этого возражения указанием на то, что в северных языках значения

¹² «Język polski» 33, стр. 400.

‘ребенок’ нет, но в лучшем случае существует значение ‘мальчик’. Ведь мальчик все-таки не так далек от ребенка. Хотя и слова **отрокъ** ‘младенец’ (Мф. 2, 16) и **отрочина** ‘детство’ в Остромировом евангелии лучше считать церковнославянскими, важны в нашем случае факты, что ст.-слав. **отрочина** обозначает детство и у девочки (так что славянское значение ‘дитя’ является, по всей вероятности, древним, а не вторичной инновацией) и что русск. *отрочество* никоим образом не связано с понятием ‘слуга’. Старославянское и южнославянское значение ‘ребенок, младенец’ Мошинский считает, наоборот, инновацией после перехода славян на новые территории (!). Он, действительно, прав, полагая, что именно детей, осиротевших во время военных наездов, ожидала судьба таких гонцов, посыльных, мальчиков на побегушках, а также рабов, но это касалось, конечно, не совсем маленьких, а уже подросших мальчиков; т. е. к южнославянскому значению ‘ребенок, младенец’ мы таким путем (от понятия ‘слуга’ через понятие ‘подросток, мальчик’) прийти не можем.

Но важно не только это: Мошинский, а за ним и Штех не заметили очень важного факта, что во всех приводимых ими семантических параллелях соответствия ‘слуга → мальчик’ семантическое развитие идет не так, как они предполагают, а совсем наоборот. Исходным пунктом этого семантического соседства является не ‘слуга’, а ‘мальчик’. Как др.-евр. *na'ar*, так и греч. *παῖς*, *παῖδιον*, лат. *puer*, ит. *fante*, англ. *boy*, гот. *magus* и т. д. (или же по женской линии др.-русск. *отроковица*, др.-евр. *na'arā*, венг. *leány*, франц. *fille*, ит. *fantesca*, нем. *Magd*, чеш. диал. *dívka*, книжное *děvečka*, швед. *piga*, лит. *mergà* и т. д.) означают мальчика (слова в скобках — девочку) и только метафорически — слугу (служанку). Короче говоря, *puer* может означать легко ‘servus’, но *servus* лишь изредка¹³ переходит к значению ‘puer’. Исходным пунктом толкования слова *otrokъ* вряд ли может быть, таким образом, значение ‘слуга’ < ‘бегающий вокруг’.

Во-вторых, этимология слова *otrokъ* у Мошинского встречает также серьезное фонетическое препятствие. Обратим внимание на нижнелужицкую форму *wotrošk*. Фонетически ожидаемая

¹³ По словарю К. Д. Бака (С. D. В u с k. A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages. Chicago, 1949, стр. 88—89), можно считать надежными случаями обратного развития, а именно ‘слуга → мальчик (дитя)’, прежде всего брет. *bugel* ‘ребенок’ (при сравнении с гаэльским *buachaill* ‘пастух’, соединяемым с греч. *βούκολος*), где видны все члены предполагаемого Мошинским семантического развития, и затем — в ит. *ragazzo* и франц. *garçon*, где выступают (с меньшей этимологической явностью) два первых члена; сомнительно англ. *lad*. Против этих четырех случаев стоит 12 упомянутых выше случаев нормального развития, у большинства которых метонимический сдвиг значения вполне очевиден также для неэтимологов. В отношении чеш. *chláp* или польск. *chlōp* (первоначально то же самое, что и русск. *холоп*) и *chlapec* (*chlōpiec*) ‘мальчик’ изменение значения мотивировано уменьшительным суффиксом. Подобное отношение между лит. *mergà* ‘девочка’ и ‘служанка’ и уменьшительным *mergėlė* — только ‘девочка’.

форма была бы *wotšock. Так как и окончание этого слова неясно можно было бы предполагать какую-то контаминацию, какое-то сокращение предполагаемого н.-луж. *wotšock с в.-луж. *wotročk*, результатом которого и являлась бы действительно существующая нижнелужицкая форма *wotročk*. Но так как прямых доказательств нет, мы не можем принимать в расчет догадки и должны остаться при фактах, суть которых заключается в следующем: если нижнелужицкая форма исконна, — а у нас нет основательной причины отклонять такое предположение, — то она свидетельствует о длительном сохранении сознания этимологического состава этого слова¹⁴ при сравнении, например, с деэтимологизированным ранее *wotšuby*. Правда, это слово этимологически не совсем ясно, но ясно по крайней мере то, что даже при сложении *ot-rōbi* (что теперь, кажется, общепринято¹⁵) оно могло деэтимологизироваться раньше, так как существительного *rōbь* (основы *-i*) давно не существовало, между тем как существительное *rokъ* и прочие сложные слова с этой основой продолжали существовать рядом со словом *otročkъ*.

Не таким уж существенным, но все же заслуживающим внимания является возражение Фр. Славского относительно незащитительствованности глагольной основы *trēk-*. В существующих славянских глаголах типа *trkati / trčati* 'бежать' есть звукоподражательная (или «подражающая движению», как в данном случае) основа *trk* (есть и другие варианты — *trt*, *trp*, *prk* и т. п., а также с так называемым подвижным *s* — *strk* и т. д.¹⁶). Если в давно нейтрализовавшихся членах этого звукоподражательного «мицелия» мы встречаем тем не менее регулярно сформированные глагольные основы (т. е. с вокализмом *-e-* в корне) и можем также наблюдать неравномерность их развития¹⁷, то вряд ли можно предполагать наличие такой, до сих пор не засвидетельствованной, формы в каком-нибудь славянском говоре, как пред-

¹⁴ Хотя и по Муке (E. Muka. Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der niedersorbischen Sprache. Leipzig, 1891, стр. 229) праславянские группы *pr*, *tr*, *kr* пишутся именно так еще в XIII в., тем не менее нужно считать, что зачатки фонетического перехода сочетаний *pr*, *tr*, *kr* в *př*, *tř*, *kř* и через *př*, *tř*, *kř*, наконец, в *pš*, *tš*, *kš* (между тем как первоначально палатальные сочетания *př*, *kř*, *tř* изменились в итоге в *pš*, *kš*, *tš*) имели место уже задолго до этого, так как те же самые группы, возникшие после перестановки в группах типа праслав. *tort*, сохраняются без изменения: ср. н.-луж. *proch*, *trok*, *krowa* при *pšosyš*, *tšocha*, *kšupa*. Впрочем, под графической типом *tr* скрываются в XIII в. по крайней мере уже типы *tř*, если даже не *tř*.

¹⁵ Подробнее о другой возможности толкования (а именно *o-trōbi*) см.: Преображенский I, стр. 70.

¹⁶ Об этих звукоподражательных элементах я писал впервые в сборнике Младенова («Езиковедски изследвания в чест на ак. Ст. Младенов». София, 1957, стр. 363—387), а потом в журнале «Linguistics». (В печати.)

¹⁷ Так, напр., при ст.-слав. *врѣци* из *vęrgti или *тлѣци* из *telkti находим еще несформированные, первоначально онomatopoeические элементы в остальных славянских языках в виде *vęrgti, *telkti.

полагает Мошинский, или же видеть такую регулярную основу в русском выражении *зadать стрекача*, особенно в виду его постоянно живой аффективности (к тому же еще с начальным *с-*). Правда, приводимое Мошинским с.-хорв. *тракáнац* 'след' представляет интересное свидетельство широкого распространения семьи этого так называемого элементарного родства.

Ошибочно предположение Св. Штеха¹⁸, будто в корне *trek* можно видеть экспрессивно подкрепленный вариант хорошо засвидетельствованной основы *tek-*. Если вообще существует связь между этими глагольными основами, то надо ее понимать наоборот, так как элемент *trk*, несомненно, примарный.

Из всех данных, таким образом, вытекает, что этимологию Мошинского лучше опровергнуть, так как она не учитывает важные семантические факторы и наталкивается также на фонетические трудности.

Примечание. Догадка Линды Садник («Festschrift J. F. Schütz». Graz—Köln, 1954, стр. 155—157), что можно исходить из *рокъ*, обозначающего какой-то отрезок времени (стр. 157: «Knabe unter einer bestimmten Altersgrenze»), наталкивается на следующее препятствие: слово *рокъ* относительно поздно засвидетельствовано в таком значении. Сравнение с глаголами типа чеш. *odročiti* 'отсрочить' также не приводит к значению 'ребенок, мальчик'.

* * *

В заключение еще хотелось бы обратить внимание на омонимы слова *otrokъ*:

1) в древнерусском языке находим *отрокъ* также в значениях а) 'отказ, разрыв договора, расчет'¹⁹ и б) 'вознаграждение'. В первом значении это слово принадлежит, без всякого сомнения, к *rekъ*. Во втором же оно до некоторой степени близко к слову *obrokъ* и его можно толковать как 'что-либо от-реченное = отделенное = предназначенное (в пользу другого)'. С этим последним значением, по всей вероятности, связано (в качестве метонимии)

1а) украинское (Рудницкий) *отрѣк* 'Futtersack', т. е. 'торба';

2) у польского автора Выспянского существует *otrok* в значении 'trok do obwiązania' (=веревка). Ему близко *otrok* в словаре

¹⁸ «Arkiv för nordisk filologi», 78, стр. 233, сноска 10.

¹⁹ Сюда же ст.-слав. *отрочьнъ* 'отпущенный, освобожденный, прощенный', др.-русс. *отрочьнии* (*отъ-*) то же самое плюс 'запрещенный' и 'отложный/отложимый', *отрочьникъ* (*отъ-*) 'отступник' ('Abtrünniger'), соврем. русск. диал. *отрѣчник* 'отступник, изменник' (см. в дополнениях Бодуэна де Куртенэ в 3-ем изд. словаря Даля). Ср. еще единичное с.-хорв. *otročnica* (RJA IX, 4456 из Иовичевича) 'bezobrazna žena' (с добавлением «развитие значения затемнено»). — О ст.-слав. *отрочьникъ* '(schlechte) Nachlese-traube' писала Л. Садник в упомянутом выше сборнике Ю. Фр. Шюца (стр. 154—156).

Троца — 'род охотничьей сети'; это значение можно объяснить из первого (сеть состоит из веревок) ²⁰.

Последние слова надо объяснять, в отличие от первого, действительно как *o-trok*. Вторая часть — праслав. *torkъ (см. у Фасмера на *торок* IV).

Сюда же можно бы, кажется, отнести также др.-русск. *отроковище*, по Срезневскому — 'полотенце, покрывало' (с вопросительным знаком). Форма *отро-* гаплогогически сокращена из *отороковище. Во всяком случае, труднее присоединить его к нашему *отрок* 'ребенок' (как 'отроческая' = детская пеленка?).

---

²⁰ Можно ли присоединить сюда также сев.-русск. диал. *отрбчить* 'отвязать снасть' (П о д в ы с о ц к и й, под заглавным словом *задежить*)? Надо было бы снова предположить сокращение из *отторочить*. (На это слово и на с.-хорв. *отрочица* обратила мое внимание Е. Гавлова.)